

Когда на сцене члену правительства товарищу Михаилу Груя доложили по селектору, что по нерадивости работников птицекомбината утки были запущены в очистные барабаны, минув убойный цех, в зале, сзади меня, женский голос негромко вскрикнул: «Живые!» — вот так, полувопросом, полувосклицанием. Это был не шепот, а именно вскрик — женщина на долю секунды забыла, что она в театре, и тут же вспомнила. И на ту же долю секунды она опередила актера, который, подхватив ее, этой женщины, интонацию, только сняв вопрос, потому что его герой уже все знал, сказал в темноту зрительного зала: «Живые!»

Счастлив драматург, написавший эту сцену, построивший ее так, что непроизносенное слово оживает, само возникает в душе зрителя. Счастливы режиссер и актеры, сумевшие передать, воплотить такое слово, объединить сцену и зал одним чувством.

Было это на премьере пьесы Иона Друцэ «Святая святых», поставленной Ионом Унгурану в Центральном академическом театре Советской Армии.

Двое односельчан, двое прошедших войну гвардии рядовых — Кэлин Абабий и Михай Груя. После войны пути их расходятся: Кэлин остается в родном селе, Михай мы видим в райкоме комсомола, потом в каком-то более высоком учреждении, потом на учебе в Москве и в конце спектакля — членом правительства, человеком, облеченным высокой властью. Между ними — Мария, которую любили они оба, но осталась она одна. Большая часть пьесы происходит в кабинете, вернее, в разных кабинетах Михая, где появляется Кэлин с очередными историями из своей жизни, а чаще — с очередными своими неурядицами. Истории случаются с ним за сценой, зрителю о них только рассказывается.

Такие пьесы не часты в сегодняшнем театре, мы привыкли, что все главное происходит на сцене. Думаю, однако, что Друцэ не случайно разделил таким образом слово и поступок, мысль и действие: внутренний сюжет для него и для режиссера более важен, чем цепь событий.

Каждый раз, когда Кэлин (Н. Пастухов) приходит к Михаилу (И. Ледогоров), у него есть какое-то конкретное дело. И каждый раз это дело довольно быстро улаживается, но бывшие односельчане никак не могут сразу расстаться, что-то им друг от друга нужно «не по службе, а по душе». Причем Михаилу, пожалуй, больше нужен Кэлин, чем Кэлину Михай.

То есть с практической точки зрения как раз наоборот: Михай помогает Кэлину, выручает его из разных передряг, в которые тот то и дело попадает. Тех самых изуродованных уток Кэлин увидел на прилавке магазина и как человек прямой тут же сгреб «за грудки» продавца, потом директора, а потом и оказал сопротивление милиции, так что к Михаилу его привели под конвоем. Вот тут-то, когда расследовались обстоятельства де-

ла, и сказано было о нерадивости работников птицекомбината, вот тут и выяснилось, что увидел в этой истории Кэлин, — поругание живого, поругание жизни. Жизни, которую он все годы отпущенного ему земного бытия защищает и охраняет — и на войне, и в мирные дни. Жизни, которую он чувствует всем существом своим, в сбережении которой видит самое высокое назначение человека на земле (как, добавим, многие герои прозы и драматургии Иона Друцэ).

Это главное свойство его натуры не делает Кэлина в спектакле резонером, не побуждает его к риторике и пафосу. Н. Пастухов играет его легким, подвижным, улыбочивым. Когда у человека есть нечто важное за душой, он это важное не будет вытаскивать наружу по всякому поводу, наоборот — припрчет, отделается шуткой. Благотворением перед жизнью окрашена не игра актера, но само челове-

ТЕАТР

ДИАЛОГ О СЧАСТЬЕ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СПЕКТАКЛЕ «СВЯТАЯ СВЯТЫХ»

ское существо его героя. Он не говорит о любви к жизни — он действует во имя жизни.

Вот эту неиссякающую любовь и берет у него Михай. Каждое появление Кэлина как бы возвращает Михая в его детство, в юность, в войну — речь идет не о сентиментальных воспоминаниях, но об основах личности, заложенных тогда, о том, что так легко отодвигается куда-то в суеде сегодняшних дел, но что нельзя отодвигать, нельзя забывать. Кэлин возвращает Михая к нему самому, к лучшему, что есть в нем, — таков внутренний сюжет спектакля.

Этот сюжет играется актерами серьезно и сосредоточенно, с доверием к зрителю, к его способности соучаствовать в спектакле. Режиссер и актеры не пытаются прикрасить элементы внешнего действия в такую, казалось бы, «разговорную» пьесу, они верят в слово и в открывшееся в слове движение души.

Ион Друцэ уже не в первом своем произведении размышляет о двух подходах к жизни, к земле и ко всему живому, растущему на ней. Тетушка Руца и ее племянник, председатель колхоза Павел, в «Птицах нашей молодости» думали об этом по-разному, чуть ли не враждовали, но мысль у них была одна — как сберечь землю и украсить ее. Одна защищала красоту земли, ее таинственную поэзию, другой — заботился о земле-кормилице, о хлебе насущном. Как совместить поэзию и прозу крестьянской жизни, красоту и практический расчет — вот что волнует драматурга. И в новой своей пьесе он ищет этот синтез, ищет пути к гармонии. «Святая святых» называется пьеса. Святая святых — это жизнь, та жизнь, во имя которой делают все, что от них зависит, Кэлин и Михай.

Ю. СМЕЛКОВ